

Результаты месячного экзамена вывесили на задней стене класса.

Лист формата А3, чёрным по белому. Пятьдесят восемь имён от макушки до низа, аккуратно отпечатанных пятым шрифтом сун.

Кто на вершине, а кто в самом низу — можно было разглядеть, даже отойдя подальше.

Юй Цзиму не стал протискиваться вперёд.

Он сидел на последнем ряду у задней двери и ждал, пока передние ряды почти полностью рассосутся, прежде чем подняться.

Когда он подошёл к тому листу на задней стене, вокруг оставалось всего двое.

Парень и девушка. Парень разглядывал десятку лучших по параллели, девушка — собственное место в рейтинге. Никто не разговаривал.

Студенты в Сянцзяне не болтают, когда смотрят результаты.

Юй Цзиму начал искать с самого низа.

Последнее место. Нет.

Предпоследнее. Нет.

Третье с конца.

Юй Цзиму.

Общий балл — триста семьдесят один. В классе — пятьдесят восьмое место. В параллели — дальше он смотреть не стал.

Математика — шестьдесят три. Китайский — девяносто один. Английский — восемьдесят один. Комплексный экзамен по естественным наукам — сто тридцать шесть.

На гаокао он набрал четыреста тридцать семь. До проходного балла на бакалавриат не хватило чуть больше десятка.

Теперь, после месяца повторения материала, он откатился назад на шестьдесят шесть баллов.

Откатился.

Он мысленно повторил это слово.

Затем засунул руки в карманы. Повернулся.

По дороге обратно к своему месту он услышал, как кто-то за спиной заговорил. Голос вовсе не был приглушён — обычная громкость, настолько обычная, будто обсуждали сегодняшнее меню в столовой.

— Тот парень, что пролез через задний дворик, и правда на самом дне.

— Даже проходной балл на бакалавриат не перешагнул, кому же ещё быть на дне.

— Интересно, сколько денег их семейка занесла. С такими результатами в обычном классе плелся бы в хвосте.

Юй Цзиму не остановился.

Продолжил идти. Добрался до последнего ряда. Сел.

На парте лежала раскрытая первая часть учебника по китайскому языку. Он перелистнул страницы. До десятой.

О, молодые наши годы, цветущие и полные сил.

Когда водные разводы высохли, бумага слегка сморщилась. Напоминая небольшой старый шрам.

Он пару секунд вглядывался в эту строчку, затем захлопнул книгу. Положил обложкой вниз.

— Бланк.

Рядом раздался голос.

Ли Чжи неизвестно когда проснулся. Повернув голову, он наполовину уткнулся лицом в локтевой сгиб, наружу выглядывал лишь один глаз.

Этот глаз смотрел на него. Никакой утренней сонной пелены. Это был ясный, долгий и тихий взгляд.

— Какой бланк?

— Месячный экзамен. Естественные науки. Ли Чжи протянул руку. Членистые пальцы с аккуратно подстриженными ногтями.

Юй Цзиму вытащил из парты бланк с естественными науками и передал его.

Ли Чжи развернул его. Суммарный балл триста семьдесят один красовался в шапке бланка, цифры небольшие, но режущие глаз.

Он изучал его целую минуту. Ничего не сказал. Вернул бланк Юй Цзиму.

— Ну как?

— Никак. Ли Чжи перевернулся на другой бок, лицом к стене. — Задачи на функции — все неверно. Задачи по механике — пустые. В блоке по выбору не написано ни иероглифа.

Пауза.

— Но на три балла больше, чем в прошлый раз.

Юй Цзиму замер.

Прошлый раз — это то самое входное тестирование в самом начале учебника. Тогда он набрал триста шестьдесят восемь.

Ли Чжи вопреки всему запомнил.

— Ты...

— Спать. Ли Чжи натянул на голову воротник школьной куртки. — Не шуми.

Юй Цзиму аккуратно сложил бланк и сунул обратно в недра парты.

При этом пальцы наткнулись на пачку бумаг — программу повторения для сильного класса. Вынимать он её не стал.

Сидевшая впереди Ли Юань обернулась.

Она бросила взгляд на Юй Цзиму. Затем взглянула на тот лист на задней стене. После чего извлекла из портфеля пачку содового печенья и положила ему на парту.

— Ешь.

— Я не голоден.

— Я не спрашивала, голоден ты или нет.

Тон Ли Юань отличался от привычного. Никаких хихиканий и интонаций закадычной подружки. Просто предельно ровно брошенная фраза.

Затем она отвернулась обратно.

Юй Цзиму взял ту пачку печенья. Классическое, без добавок.

На упаковке было напечатано: Порционные пакетики, удобно носить с собой.

Он разорвал пачку. Съел одну штуку. Вкуса почти никакого.

Но в желудке действительно давно было пусто.

На дневном уроке учитель физики объяснял электрическое поле.

Юй Цзиму уставился на доску. Учитель вычерчивал линии электрического поля — выходящие из положительного заряда и уходящие в бесконечность. Одну за другой, расходящиеся веером.

Он поймал себя на том, что пялится на эти линии уже минут пять, а в голове вертится исключительно та пустующая сложная задача по физике из месячного теста.

Прозвенел звонок с урока. Он захлопнул учебник.

Линии электрического поля из учебника наложились на ту пустую задачу в его голове.

Не осталось ничего.

Он засунул учебник в портфель и вышел из класса.

Школьная спортивная площадка в Сянцзяне располагалась позади учебного корпуса, круг в

четыреста метров.

В углу возле беговой дорожки имелось местечко. Несколько камфорных деревьев заслоняли его, как раз укрывая от фонарей. Ближе к вечеру там почти никого не было. Спортивные абитуриенты тренировались на противоположном конце дорожки. На лужайке кое-кто заучивал слова. Это место казалось заброшенной слепой зоной.

В первый день перед вечерней самоподготовкой он случайно забрёл сюда.

А потом это вошло в привычку.

Каждый раз, когда на душе становилось тяжело, он приходил посидеть здесь ненадолго.

Сегодня он засиделся немного дольше обычного.

Он вытащил из портфеля три бланка месячного экзамена и разложил их на коленях.

Математика. Естественные науки. Английский. От начала и до конца. Возле каждой ошибки карандашом были сделаны пометки. Не исправления — диагноз.

По математике двенадцать ошибок.

Четыре — ошибки в расчётах. Восемь — неспособность даже понять, о чём спрашивается в задании.

Дело не в том, что он не умел решать. Он не узнавал задачу.

Естественные науки. Все три крупные задачи по физике зияют пустотой.

Прочитал условие — в голове абсолютная белизна. Формулы не вспоминаются.

Химию и биологию кое-как заполнил — и всё, что написал, в основном оказалось неверным.

Английский. Половина ошибок в заданиях на заполнение пропусков. Смысл двух текстов на чтение удалось уловить с трудом.

Он перевернул бланки и принялся писать на обратной стороне.

Без всякой системы, записывая всё, что приходило в голову.

Не умеет составлять формулы соединений. Путает графики синуса и косинуса. Не понимает, что скрывается за буквой F в законе Ньютона. Неспособен определить условия обратимых реакций. Генетические задачи приводят в ступор при виде родословных. Направление линий электрического поля перепутал.

Строка за строкой вниз. Словно перечислял собственные грехи.

На десятом пункте в ручке кончились чернила. Он пару раз потряхнул её. Вывел ещё три иероглифа. Паста высохла окончательно.

Он отложил ручку. Уставился на исписанный черновик.

Строчка за строчкой. Криво. Густо и плотно.

Каждый пункт — рубеж, который ему не перешагнуть.

Сложенные вместе, они образовывали гору, через которую ему не перебраться.

Потемнело.

На спортплощадке зажглись лампы дневного света. Свет докатился от беговой дорожки, вырезая под листвой камфорных деревьев мелкие изломанные тени.

Спортивные абитуриенты совершали ускорения на дорожке, стук шагов был тяжёлым и ритмичным. Кто-то из учеников зубрил слова на травяном газоне, обрывки голосов долетали издалека.

Никто не обращал внимания на этот уголок.

Юй Цзиму собрал бланки.

Когда он встал, ноги слегка затекли. Он наклонился и размял жилы под коленями.

Прозвенел предупреждающий звонок на вечернюю самоподготовку.

Он направился к учебному корпусу.

Дойдя до лестничного пролёта...

Там кто-то стоял.

Белая рубашка. Прислонившись к перилам лестницы.

Вовсе не случайно проходил мимо. Случайные прохожие не стоят здесь столько времени. И не поворачивают голову ровно в тот момент, когда он приближается.

Шаги Юй Цзиму на мгновение замедлились.

Взгляд Чжун Цзиня переместился с его лица на руки — на те самые исчерканные, многократно сложенные бланки с обтрепанными краями.

— Отдай мне бланки.

Тон был ровным. Точно таким же, как когда он просил Ли Юань сдать домашнее задание. Как при раздаче материалов для повторения.

По голосу нельзя было понять ничего.

Юй Цзиму крепче сжал в ладони бумаги.

Сам того не заметив, он совершил это движение.

— На них не на что смотреть.

Чжун Цзинь ничего не ответил. И не сдвинулся с места.

Просто стоял там. Перекрывая вход на лестницу.

На лестничной площадке погас свет, включаемый голосом. Горел лишь светильник в пролёте.

Свет падал со спины Чжун Цзиня, его выражение лица в тени разобрать не удавалось. Но Юй Цзиму физически ощущал его взгляд.

Тот смотрел не на него — он смотрел на бланки в его руке.

Три секунды.

Пять секунд.

Юй Цзиму протянул тесты.

Чжун Цзинь перехватил их. Опустил голову.

Сверху лежал листок по математике — сплошь усеянный красными крестами. От первого тестового вопроса до последнего живого места практически не осталось.

Он не произнёс ни слова.

Выровнял три бланка, сложил их. Убрал во внутренний карман своей куртки.

Затем развернулся и поднялся по лестнице.

Юй Цзиму стоял у подножия лестницы, глядя ему вслед.

Белая рубашка. Прямая спина. На втором суставе безымянного пальца правой руки — едва заметный шрам.

Полученный при падении на эстафете в первом классе старшей школы — эту деталь он помнил десять лет.

И вот теперь она снова предстала перед глазами.

Чжун Цзинь сделал несколько шагов и неожиданно остановился.

Не поворачивая головы.

— Завтра в шесть тридцать. Явись в класс.

Пауза.

— Захвати все учебники.

Он внезапно вспомнил прошлую жизнь.

Те три года в техникуме он тоже плелся в хвосте. Но потому, что не учился — не то чтобы не мог, просто не хотел.

В этот раз всё иначе.

В этот раз он учится. Но всё равно на самом дне.

Это ощущение разило больнее, чем полное безделье.

Затем шаги возобновились, удаляясь вверх.

Звук шагов гулко разнёсся по пустой лестнице. Растворился за поворотом.

Голосовой датчик света выключился.

Юй Цзиму стоял в темноте.

Он отчётливо слышал собственное сердцебиение — не частое, а тяжёлое. Удар за ударом оно билось в грудной клетке.

Не потому, что Чжун Цзинь забрал его тесты. И не из-за требования явиться завтра в класс к половине седьмого.

А из-за того самого мгновения — перед тем, как Чжун Цзинь повернулся уходить —

Он увидел его глаза.

Они наложились на воспоминания из прошлой жизни.

Восемнадцатилетний Чжун Цзинь. Когда тот смотрел на него, в его взгляде таилось нечто ускользающее от понимания.

Спустя десять лет он так и не разгадал это.

Но теперь этот человек снова стоял перед ним.

Забрав его контрольные. Шагая по лестнице. Приказав прийти завтра в шесть тридцать.

Голосовой свет не зажигался уже долго.

Он стоял в темноте, не двигаясь.

Наверху донёсся звук закрывающейся двери.

Чжун Цзинь вошёл в класс.

Юй Цзиму глубоко вздохнул.

Опираясь на перила, шаг за шагом он начал подниматься вверх.

<http://bllate.org/book/19329/1890406>